

УДК 165.61+008.001

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_27

Е.В. БакшутоваСамара
Самарский государственный институт культуры
bakshutova.ev@samgik.ru**Т.К. Рулина**Самара
tatrul@yandex.ru

КАК РУССКОЙ ИДЕЕ ВЫЙТИ ИЗ ПЛЕНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ИРРАЦИОНАЛИЗМА

Авторы осмысливают проблему культурного наследия русской идеи с позиций ментальных структур, исторически сложившихся и актуальных для российского общества. Показано, что русская модель познания иррациональна и восходит к платонической модели эйдоса — познания не столько как рационализации и абстрагирования, сколько морального восхождения. Стремясь к Алетейе (духу истины и искренности), выступающей одним из маркеров русской культуры, духовное самоопределение народа по-прежнему опирается на идеализированные мифологемы уникального пути, что обесценивает и собственное рациональное, и заимствованное идеальное.

Ключевые слова: культура, ментальность, русская идея, рациональность, иррациональность, Алетейя, самоопределение.

Говоря о культурном наследии, в том числе нематериальном, мы справедливо обращаемся к традиционной культуре, сохранившей типические основы ментальной, эмоциональной и поведенческой репрезентации народов, идентифицирующих себя с русской культурой. Ментальные установки современности включают в себя ментальные установки прошлого, настоящего и будущего, но прошлое наше – не один день, год и даже век, оно многомерно. А ментальные установки (культурные коды) способны доминировать, блокируя стратегии движения. Идея орудийного (в том числе знакового) опосредствования психики, высказанная сначала Г.В.Ф. Гегелем [1], затем Л.С. Выготским [2], позволила В.А. Шкуратову, жившему уже в эпоху медиа, по характеру опосредствования (знаковой системе) выделить или эксплицировать три класса ментальностей:

ментальность предметов и тел, письменная ментальность и медиаментальность. На этой основе удается определить разделение эпох, наук и источниковедческих объектов [3, с. 111].

Достаточно долго содержание ментального уровня русского народа и характер его опосредствования сохраняли комплементарность, но появление письменности, и тем более медиа, не только упорядочивают, но и легитимируют сохранность того или иного ментального содержания. Явление постправды – изобретение не нашего века. Вот почему самоопределяющемуся народу в современном информационно очень подвижном медиамире важно обратиться к традиционной культуре, порожденной взаимодействием человека и природы, а также к гражданской, городской, письменной культуре мышления. И одна, и другая долгое время сосуществовали в весьма сложном взаи-

модействии, худо-бедно порождая идентификационные смыслы солидаризации народов России.

Идеи эпохи Просвещения, которым мы все еще следуем, полагая, что человек – существо разумное, одновременно внушают оптимизм и надежду на то, что цели и средства воплощения идей могут быть соразмерны. В то же время очевидно, что не все причинно-следственные связи событий, открытий, свершений объяснимы исключительно рационально. Даже прямолинейная логика может приводить к неправильным заключениям, о которых пишет Р. Шведер: «...ум человека склонен смешивать семантические отношения описанных событий с эмпирическими отношениями, смешивать “суждения о языке” с “суждениями о мире”, смешивать похожесть с вероятностью» [4, с. 34-35]. Для русских мыслителей весьма актуальна проблема неразделенности философского мышления абстракциями и философствования как поиска смысла жизни, что из предложенной Р. Шведером триады категорий мышления (иррациональность, рациональность и нерациональность) [4, с. 27] позволяет видеть именно в иррациональности определяющую русскую культуру форму мышления.

По словам П.Б. Струве, «поскольку в христианской теологии понятия выступали как орудия творческой деятельности Божества, возникал вопрос о статусе их существования. При ответе на него альтернативой было либо признание универсалий “вещами”, пребывающими как в божественном разуме, так и в сущих человеческого сознания, либо же отказ признания их “вещами”, превращающий универсалии в гносеологические фикции» [5, с. 278-291], т. е. европейское Божество изначально рационально. Ф. Гиренок иронизирует: «Греческая философия кодифицирована в академиях и лицеях. Метафизике можно научить. Русская философия – неметафизическая. Она без специальных технических терминов. А если в ней нет этих терминов,

то в ней нет и крючков, на которых держалось бы сознание. И поэтому сознание в ней не держится» [6, с. 17]. Исследователь «национальных образов мира» Г.Д. Гачев также подчеркивает несовместимость живой личности, только мечтающей о самоопределении, и торжества «великой, сверхличной идеи, идеала общественного устройства...» [7, с. 64-69].

О чем идет речь? О самоуничижении русских мыслителей? О пристрастном отношении к своему народу? Отнюдь нет... Но из века в век значимость и ценность человека измеряется по его «партийности», приверженности определенным идеям. «Отклонение от правильного курса» нивелирует, отменяет талант, заслуги, личностную ценность. Подобное подобострастие идеям отмечает Туробоев, один из героев романа Максима Горького «Жизнь Клима Самгина», говоря по этому поводу: «У нас есть варварская жадность к мысли, особенно – блестящей, – это напоминает жадность дикарей к стеклянным бусам»¹. Именно в контексте доминирующих сверхличных идей видит роль России в мировой истории теоретик археомодерна А.Г. Дугин [8].

Итак, если в русском менталитете нет традиции рационализации, но есть пристрастие к сверхценным идеям, то причины константности ментальных структур иррационального генеза вполне объективны. М.А. Дакоро, резюмируя многолетние и даже двухвековые итоги интеллигентского дискурса, отмечает неукорененность когнитивного механизма рационализации в отечественной культуре: «Российское общество обрело интеллектуальную традицию как “готовый продукт” периодов Возрождения и Просвещения, что обусловило и отношение к этому продукту» [9, с. 85] лишь как к полезному приспособлению к собственным нуждам. Российские интеллектуалы – интеллигенция – вынуждены были постоянно адаптировать западные

¹ Горький М. Жизнь Клима Самгина // Горький М. Собрание сочинений: в 18 т. Т. 13. Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1963. С. 270.

идеи к русской почве, быть посредниками между двумя культурами, не оставляя места самостоятельной собственно философской работе, что, в свою очередь, не могло не породить некоторой вторичности, зависимости от внешних смыслов (вместо рационализации собственных духовных интуиций). Русская модель интеллектуального познания, воплотившись в институционализированные формы, гораздо ближе к платоновской модели познания-восхождения в моральном смысле, чем к аристотелевской современной концепции познания-анализа. Вот почему концепция русской идеи отличается платонизмом происхождения. Как пишет В. Россман, она предполагает, что русский народ может существовать только благодаря идее «русскости», или он теряет свою идентичность и определённость. Русская идея первична по отношению к конкретным русским людям, их материальным и психологическим интересам. Первичность мира идей определяет отношение и интерпретацию всех остальных сфер: политики, морали, искусства, науки, эроса, логики и др. «В этом платоновском познании можно усмотреть один из идейных истоков благоговейного отношения к бескорыстной и возвышающей душу теоретической науке в русской академической традиции, которой в России всегда отдавалось, по крайней мере, моральное предпочтение перед наукой прикладной» [10, с. 65].

Более 200 лет русские интеллектуалы манифестируют утопическое ожидание восстановления своей исконной культуры наряду с неприятием современной культуры. С. Броувер, зарубежный автор, в сборнике о русской интеллигенции пишет: «Желая избавиться от чужеродности культуры, они стремятся сохранить некоторые ее несомненные блага. Подражая формам чужой культуры, жаждут, что все это сбудется не слишком в отдаленном будущем путем чудесной трансформации» [11, с. 55]. Хочется поспорить с теми, кто радуется современной жизни без ценностей, без

истины, якобы в глобальном обществе абсолютной свободы мнений. Более убедительной кажется позиция, согласно которой на смену идеологии по оглашению приходит свирепая идеология по умолчанию. Она «защита» в алгоритмы сайтов и чатов. Она движется в ритмах кодинга. Она берёт в плен смыслы и желания человека, превращая его в периферийное устройство гаджета. Возможность выхода из плена интеллектуального инфантилизма, т. е. иррационализма, обращающего личность в киборга, зависит от общественного осмысления новых ценностей и новых качеств человека информационного общества, определяя тем самым смысл грядущей постсоветской персонологии. Именно от сохранности сапиентной рациональной аутентичности человека зависит итог модификации человеческого общества, его идеалов, потребностей, ценностей. Однако социальные связи становятся настолько виртуальными, что жизнеспасительные проблемы судьбы народа не проникают в сознание, хотя именно от их осознанности зависит само его существование в качестве суверенного субъекта.

Оглянемся на 90-е гг. XX века. Символические основания коллективной связи традиционного советизма (смысловые структуры) не выдержали мощнейших ударов инокультурных стереотипов потребления. Часть их отмерла, часть вытеснена на периферию общественного сознания (идеологи жонглируют ими в качестве пресловутой архаики менталитета), тем не менее общественное постсоветское эго настойчиво продолжает отчуждать побуждающие к истине рациональности силы, не желая признавать за ними право на новые формы социальной идентификации. Лишь незначительное число россиян учится осознавать себя главными действующими лицами внутри социальной системы. Исследование взаимосвязей индивидов в современном обществе свидетельствует о тотальности феноменов отстраненности и остра-

нения, проявляющихся в проекции на другого своей личной ситуацией. Российское коллективное бессознательное стремится склонить индивида к непосредственному перекладыванию вины на других. Груз личной ответственности в случае неуспешной адаптации становится объективным фактором социальной депрессии. Инфантилизм большинства инструментализирует становление общества фрустрирующими переживаниями «тупика», «ошибки», «катастрофы». Именно это объединяет истории разных России в одну духовно-идеологическую историю пути народа «через пропасти» к «образу Божию» в человеке. И если на этом пути носители русской культуры рано или поздно утрачивают связь с нравственностью, бессознательное «психе» из себя, как из источника, имплицитно восстанавливает деформированную типологию. «Эта наша принадлежность совершенно не зависит от нашего сознания, она существует до него и помимо него и даже вопреки ему», – писал С.Н. Булгаков [12, с. 238]. Вот почему история России – это скорее история психологического самовосстановления. Это мистерия самоидентификации исторической Алетейи. Именно поэтому бесплодно множится мозаика концептуальных попыток самоопределиться через деятельностные интерпретации: все они по аналогии с западноевропейской моделью самоопределения строятся на основе дорациональной телеологии.

А была ли у России «головная» декартова история? Первыми в этом усомнились славянофилы, предупреждая оппонентов: «Россия – земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейские государства и страны... Очень ошибутся те, которые вздумают прилагать к ней европейские воззрения и на основании их судить о ней...» [13, с. 16]. Их не услышали. Западническая тенденция самоопределения через аналогию с Европой породила русский марксизм с его крайним радикализмом материалистической утопии вначале социа-

листического, а сегодня – буржуазного характера. Причина катастрофизма самоопределения по аналогии с чужим проектом, проективной утопией, лежит глубже экономики общества. Глубина называется исторической памятью, не имеющей никакого отношения к «совершенствованию», осуществляемому путем экономической эффективности. В России и сейчас экономическая эффективность манифестирует как искушение материальным благополучием. Искушение материальным благополучием есть всегда погрешение Духа.

Культура российского суперэтнуса как система распространения ценностей и норм поведения способна расширяться и сжиматься. Однако политический слом ценностного ядра исторической культуры заблокировал практики низовой рационализации и возрождения духовной инициативы народа. В частности, в нашем исследовании модусов социального сознания (этнонационального, конфессионального, правового и регуляционно-управленческого) через анализ ассоциативно-вербальных сетей россиян, проживающих в разных российских регионах (2015 г.), было выявлено, что базисные категории веры имплицитны группам и православных, и мусульман, но в разной степени. В той же степени, в какой различался базовый слой ментальности, образ жизни с присущей ему ментальностью: соборность, родственность и товарищество у одних народов, клановость и авторитаризм – у других [14, с. 195]. Полагаем это причиной различий в языковых картинах мира: например, в семантике концепта «справедливость» у русских (православных) наибольшую частотность имеет ассоциат «равенство», а у татар – «верность» (т. е. в имплицитной репрезентации справедливости русские опираются на историческую память общины, а татары – на верность Аллаху); «обычное право» у русских апеллирует к порядку, прецедентному бытованию, а у мусульман – к правилу, что и в концептуалистике религиозности – для мусульман концепт «обряд» – один из доминиру-

ющих [84 %], тогда как для православных доминирующий концепт в языковой репрезентации религиозности – «человек» [60,6 %]. «Воинствующий атеизм, отрицая все конфессии сразу, создал благоприятную среду для зарождения “религии вообще”, “верующих просто в Бога, одного для всех”, – распределенного, трансрелигиозного сознания православных неопитов» [14, с. 198]. И здесь неутешительный для нас вывод – вся русская философская традиция обращает нас в сторону духовности, неизменно связанной с религиозной верой, но православная традиция пока еще далека от своего подлинного укоренения в современной русской жизни. Духовному по-русски сознанию европейское правосознание вместо души – не указ, оно ему без надобности, потому как не превосходит по действенности и непреложности истин «образ Божий». Однако глубинное сознание духовности (совесть, внутренняя правда, вера) порождено историческим типом русского соборного мироустройства, в котором «ты со всеми и для всех». А если его поместить в мироустройство типа «всё меняется на всё» (рынок), то путь внешнего права им определяться не может и средств для этого не имеет. Всё заканчивается вынужденной немой блуждающей души. «Русский народ не любит становиться в красивые позы» [13, с. 27] и совершать поступки по указке права, внешнего диктата.

Духовный волюнтаризм – историческая инверсия русского сознания. Власть правосознания, нагнетаемая в России сегодня, уже духовности. Праву безразлично, какая у тебя душа: право с душой говорят на разных языках. Оно из иной культурной «почвы». А русскому человеку нужно «почвенные» голоса культуры слышать: голос совести, голос Бога, хотя бы это отрицалось самими носителями культурного кода. Рядом с этими голосами голос права не слышен. Духовная «почва» предписывает и духу правила, не нуждающиеся во внешнем дублировании. Внутренний путь – путь правды – исторический русский путь духовного

сознания. Потому внутреннее господствует над внешним, а психологическая форма правды – совесть – обесценивает значимость права, осознается или не осознается это самими носителями сознания. И это ни к чему не обязывает каждого, но всех вместе – к драме, если тем паче дорога пресекается. Поэтому И.А. Ильин сотни раз повторял: «Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца. Она утверждает, что главное в жизни есть любовь и что именно ею строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа» [15, с. 103]. И предвидя общественную деморализацию в процессе подмены внутреннего существования внешним (атеизм, материализм), Ильин беспокоился о средстве спасения России. Он сформулировал его как «путь духовного обновления», все формы которого основаны на вере, чести, совести. Однако же, как и встарь, мы продолжаем изобретать национальную Алетейю в пустоте аналогий. И потому общественное сознание не опознает, что история России – это и есть истина общая для всех. Творясь в душе как самовосстановление, не изменяющее природу духа, но восполняющее и совершенствующее её, духовное воображение активизируется интуицией правды, совестью. И если императивные нормы закона в рациональной телеологии обращены к сознанию, не имеют соотношений с бессознательным, то в русской истории «мистериальных игр» души право, нормы могут присутствовать не более как орнаменталистика демагогии. Приватное пространство проектирования «Я» здесь задается не целерациональным способом, а скриптологами коммуникативных практик.

Понятием «скрипт» (script) пользуются программисты и психолингвисты. В обеих сферах скрипт – это описание последовательности действий для достижения определенной цели, а также сценарий или схема событий. Для культуролога скрипт – это культурный код, если хотите – «духовная скрепа». Скрипты

Древней Руси и Руси православной нам известны, близки и вполне жизнеспособны. Подсознательные структуры скриптов действуют как автоматизмы сознания, как фактор непреодолимой силы, обеспечивая константные характеристики идентитета нации. Поведение в России опосредуется, как и 100 лет назад, воображением духа, коллективным мифом. Душа (бессознательное) сублимирует образы восприятия реальности, преобразая их средствами коллективной глубины. Русская Алетейя – субстанция коллективного воображения. И поэтому она феномен мифоисторической подлинности. Спекуляция рассудка – идея – у Алетейи на подозрении, и потому всегда – мнимость, которую должно презреть. Но перенесение структур мышления, а точнее воображения, в условия внезапно навязанной (не выращенной) рыночной экономики и требований успешности в любой сфере жизни неминуемо приводит к общественному ресентименту не только на «улицах», но и в сетевой коммуникации [См.: 16]. Ресентимент образуется несоответствием стремления к Алетейе и отсутствием практик ее рационализации в общественно необходимых формах. Таков русский дух, который «дышит, где хочет, а не где велют» (Ин. 3:8), дух имплицитных онтологических глубин, подавляющих чрезвычайность исторической обстановки, угрожающей смещением культурного года нации и утратой жизнеспособности индивидов и групп. Результатом иррационального скриптомышления становится языковая компетенция, достаточная для комфортной коммуникации, а также способность к реконструкции нарратива в соответствии с потребностью в культурности как солидаризации или социального отчуждения, активизации пассионариев или тотальной аномии, межгрупповой терпимости или травмирующего ресентимента. Эта картина развития новой социальной ниши контрастирует с Западом, где как раз всё наоборот: сначала длительное наращивание профессионально-интел-

лектуальных «мышц», сетей отношений между словами и вещами, устанавливаемых в структурах значений. Русский структурный инструментарий «больших» нарративов (эпистемы, тематизмы квалиа, имаго, категории, скрипты, фреймы, дискурсивные фильтры, тезаурусы нарративов), незнакомые смыслы, знаки-коды, символичные объекты, артефакты памятования (места памяти) сохранили потаённые смыслы духа, а потому участвуют в стратегических играх народа на выживание. Они участвуют, а мы их не знаем.

Французский материалист и врач П.Ж. Кабанис (1757–1808) уже более 200 лет назад писал, что общественная обстановка, образующая контекст жизни и работы человеческого мозга, будучи неблагоприятной, порождает душевные болезни: «Когда социальная жизнь построена уродливо и жестко, мозговая деятельность чаще уклоняется от правильного пути» [Цит. по: 17, с. 355]. Следствием деградации в духовном самовосприятии общества является дефект вторичности, проявляющийся в отрицании самооценности собственных исторических и культурных достижений. Формируется психологическая защита обесценивания: в отсутствии возможности получить желаемое отрицаем саможелание («не очень-то и хотелось»), а далее – компенсаторная защита сверхценной идеей избранности. Народы терпят крушение, народы уходят с позиций активных акторов истории, но, по сценарию А. Тойнби ухода-и-возврата народа, устойчивый народ возвращается в экзистенциальном ритме общественного человека. Коренная устойчивость позволяет ему вновь быть готовым к борьбе и жизни, способным на новые творческие идеи и пафос. За какое-то историческое время его отсутствия некие непроходимые препятствия исчезают, и уход-и-возврат общественных групп, крупных сообществ, как отдельных цивилизаций, при условии сохранности культурных кодов самосознания становится естественным [18, с. 280]. Преодолением негативных коннотаций с образом России

как периферийной, захолустной Европы служили мифологемы «третьего Рима», «Москва – столица всей Земли», «русской миссии» и пр. Однако невротизация исторической памяти эпохами принуждения к культурному самоотчуждению стала социально-психологическим «неврозом» российского общества. Он настигает общество ригидными директивами «всё или ничего», неоправданными ожиданиями, чрезмерной персонализацией. Если в большевистский период господствовал провинциальный дух восточного традиционализма, то в либерально-капиталистической России восторжествовал провинциальный дух бюрократического космополитизма. Безволие образованного меньшинства и социальная апатия потребительского большинства задали чрезвычайно негативные условия для политики цивилизационного развития общества. Не имея аналогов в истории, российские политические стратегии опирались в 1990-е или на привычные отечественные приемы деспотизма, или на инокультурные паттерны либерализма (на что-то привычное, «застывшее» в памяти, ментальные модели конструирования реальности, которые не актуальны и не работают), что привело к парализации решения эндогенных задач национального развития. Зажатый между собственным менталитетом и чуждостью непонятных императивов двухслойный российский социум был парализован духовной апатией. Отношение к настоящему как временной охоте или чудесному получению даров исключало потребность обустройства места на основе взаимовыгодной договоренности (в масштабах страны – индустриального и агротехнического подъема снизу). Эта историческая коллизия имеет длительную предысторию, во многом определяя характер исторической памяти русских, но практически не получая до сих пор хоть сколько убедительной экспликации. Но хуже, что на этих мёртвых схемах мы пытаемся построить будущее.

В глобализирующемся мире сложно сохранять национальную культуру. Кроме

того, на очередном витке небрежного и бессмысленного «взаимодействия» с западной культурой и собственного модернизационного развития российское общество утратило, преодолело этнические традиции. Культурное наследие актуализируется на уровне фольклора, концертов и фестивалей, носящих случайный характер «лубка и лаптей», поскольку они не связаны с образом жизни, сформировавшим базовый, медленный слой ментальности.

С XVIII в., отказавшись от имманентного пути развития и уча население его стыдиться, Россия вступила на путь культурного копирования европейской государственности и бытийственности. Властные индукции подражания предопределили феномен леволиберальной и праволиберальной революций, на протяжении XX в. ввергавших общество в практики войн самоуничтожения.

По мнению В.А. Шкуратова, в России «европейское *cogito* попадает в очень специфический контекст» [19, с. 7], не предусматривающий его социальной автономии. Возможно, именно это порождает комплекс диссоциаций внутри российского общества, в том числе и в сфере репрезентации реальности, где часто отмечается неспособность русского человека рационализировать реальность существования в логике понятий, а не мнений, настроений, желаний. Чтобы пойти на «прорыв» из плена наследуемой иррациональности, русской идее необходимо «проработать» прошлый опыт общества как духовный капитал. Общественной жизни русской идеи, с её насыщенностью прошлым и чреватостью будущим, необходима рациональная оценка её животворящей силы. Осознание стремления к великим целям и задачам откроет путь мышления из плена иррационализма на простор имманентных законов общественной жизни, сохраненных в ней здоровых сил прошлого, бесстрашия перед будущим как сверхвременным проектом.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 3 / пер. с нем. Б.Г. Столпнера и др. Москва: Мысль, 1972. 371 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 3: История развития высших психических функций. Москва: Педагогика, 1983. 369 с.
3. Шкуратов В.А. Провинциальная ментальность десять лет спустя // Ментальность российской провинции в настоящем и будущем: материалы IV Всерос. конф. по ист. психологии рос. сознания (г. Самара, 29-30 июня 2004 г.). Самара, 2005. С. 78-88.
4. Shweder R.A. Anthropology's Romantic Rebellion against the Enlightenment, or There's more to Thinking than Reason and Evidence // Shweder R.A., LeVine R.A. (eds.) Culture Theory: Essays on Mind, Self and Emotion. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1984. P. 27-66.
5. Струве П.Б. Тургенев // Patriotica: Россия. Родина. Чужбина. Санкт-Петербург: РХГИ, 2000. С. 278-281.
6. Гиренок Ф.И. Пато-логия русского ума. Картография дословности. Москва: Аграф, 1998. 416 с.
7. Гачев Г.Д. Образ в русской художественной культуре. Москва, 1981. 246 с.
8. Дугин А.Г. Археомодерн. Москва: Акад. проект, 2022. 255 с.
9. Дакоро М.А. Проблема генезиса и специфики российской интеллигенции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. № 2 (139). С. 85-90.
10. Россман В. В поисках русской идеи: платонизм и нео-евразийство // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. № 1. С. 57-77.
11. Броувер С. Парадоксы ранней русской интеллигенции (1830–1850-е гг.): национальная культура versus ориентация на Запад // Россия = Russia: Новая серия. Вып. 2 (10): Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология: материалы междунар. конф., Неаполь, май 1997 / сост. Б.А. Успенский. Москва; Венеция, 1999. С. 49-66.
12. Булгаков С.Н. Размышления о национальности // Сочинения: в 2 т. Т. 2: Избранные статьи. Москва: Наука, 1993. С. 435-457.
13. Аксаков К.С. Переворот Петра Великого // Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Москва, 1889. Т. 1. С. 16-23.
14. Рулина Т.К., Бакшутова Е.В. Категориальные концепты языкового подсознания больших социальных групп // Мир психологии. 2016. № 2 (86). С. 191-199.
15. Ильин И.А. О русской идее // Среднерусский сборник общественных наук. 2007. № 4 (5). С. 103-107.
16. Бакшутова Е.В. Проблема ресентиментозности этоса сетевой среды: социальная эпистемология сетевого ресентимента // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2018. № 3 (39). С. 19-35.
17. Каннабих Ю.В. История психиатрии. Москва: Акад. проект, 2019. 426 с.
18. Тойнби А.Дж. Постижение истории / пер. с англ. А.Е. Жаркова. Москва: Прогресс, 1991. 736 с.
19. Шкуратов В.А. Мобилизация невротизации (к историкоанализу провинции): рукопись. Ростов-на-Дону, 2008. 13 с. [Личный архив автора статьи Т.К. Рулиной].

Сведения об авторах:

Бакшутова Екатерина Валерьевна, доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии, музеологии и искусствоведения Самарского государственного института культуры

ул. Фрунзе, 167, Самара, 443010

bakshutova.ev@samgik.ru

Рулина Татьяна Константиновна, кандидат педагогических наук, доцент, независимый исследователь

ул. Фрунзе, 167, Самара, 443010

tatrul@yandex.ru

Дата поступления статьи: 16.09.2023

Одобрено: 27.10.2023

Дата публикации: 17.11.2023

Для цитирования:

Бакшутова Е.А., Рулина Т.К. Как Русской идее выйти из плена интеллектуального иррационализма // Сфера культуры. 2023. № 4 (14). С. 27–37. DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_27

УДК 165.61+008.001

DOI: 10.48164/2713-301X_2023_14_27

E.V. Bakshutova

Samara

The Samara State Institute of Culture

bakshutova.ev@samgik.ru

T.K. Rulina

Samara

tatrul@yandex.ru

HOW THE RUSSIAN IDEA CAN GET OUT OF THE CAPTIVITY OF INTELLECTUAL IRRATIONALISM

The authors consider the problem of the cultural heritage of the Russian idea from the standpoint of mental structures that have historically developed and are currently relevant for the Russian society. The Russian model of cognition is shown to be irrational and go back to Plato's model of eidos, i.e. cognition as moral ascension rather than rationalization and abstraction. Striving for Aletheia (the spirit

of truth and sincerity), which acts as one of the markers of Russian culture, the spiritual self-determination of the people is still based on idealized mythologemes of a unique path, which devalues both its own rational and borrowed ideal.

Keywords: culture, mentality, Russian idea, rationality, irrationality, Aletheia, self-determination.

References

1. Hegel, G.W.F. (1972) *Nauka logiki: v 3 tomakh. Tom 3* [The Science of Logic: in 3 vols. Vol. 3]. Transl. from German by B.G. Stolpner et al. Moscow: My`sl`. (In Russian).

2. Vy`gotskij, L.S. [1983] *Sobranie sochinenij. Tom. 3: Istoriya razvitiya vy`sshix psicheskix funkcij* [Collected Works. Vol. 3: The History of the Development of Higher Mental Functions]. Moscow: Pedagogika. (In Russian).
3. Shkuratov, V.A. [2005] Provincial`naya mental`nost` desyat` let spustya [Provincial Mentality Ten Years Later]. *Mental`nost` Rossijskoj provincii v nastoyashhem i budushhem: materialy` IV Vserossijskoj konferencii po istoricheskoy psixologii rossijskogo soznaniya (gorod Samara, 29-30 iyunya 2004 god)* [Mentality of the Russian Province in the Present and Future: Materials of the IV All-Russian Conference on Historical Psychology of Russian Consciousness (Samara, June 29-30, 2004)]. Samara, 78-88. (In Russian).
4. Shweder, R. [1984] Anthropology's Romantic Rebellion against the Enlightenment, or There's more to Thinking than Reason and Evidence. In: Shweder, R.A., LeVine, R.A. (eds.) *Culture Theory: Essays on Mind, Self and Emotion*. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 27-66. (In English).
5. Struve, P.B. [2000] Turgenev [Turgenev]. *Patriotica: Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Patriotica: Russia. Homeland. Foreign Land]. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 278-281. (In Russian).
6. Girenok, F.I. [1998] *Pato-logiya russkogo uma. Kartografiya doslovnosti* [Pato-logy of the Russian Mind. Cartography of the Verbatim]. Moscow: Agraf. (In Russian).
7. Gachev, G.D. [1981] *Obraz v russkoj xudozhestvennoj kul`ture* [Image in Russian Artistic Culture]. Moscow. (In Russian).
8. Dugin, A.G. [2022] *Arxeomodern* [Archaeomodern]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russian).
9. Dakoro, M.A. [2014] Problema genezisa i specifiki rossijskoj intelligencii [The problem of Genesis and Specifics of the Russian Intelligentsia]. *Vestnik Ady`gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul`turologiya* [Bulletin of Adygea State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies], No. 2 (139), 85-90. (In Russian).
10. Rossman, V.V. [2009] V poiskax russkoj idei: platonizm i neo-evrazijstvo [In Search of the Russian Idea: Platonism and neo-Eurasianism]. *Forum novejshej vostochnoevropejskoj istorii i kul`tury`* [Forum of Recent Eastern European History and Culture], No. 1, 57-77. (In Russian).
11. Brouwer, S. [1999] Paradoksy` rannej russkoj intelligencii (1830–1850-e gody): nacional`naya kul`tura versus orientaciya na Zapad [Paradoxes of the Early Russian Intelligentsia (1830s-1850s): National Culture versus Orientation towards the West]. *Rossiya = Russia: Novaya seriya. Vy`pusk 2(10): Russkaya intelligenciya i zapadny`j intellektualizm: istoriya i tipologiya: materialy` mezhdunarodnoj konferencii, Neapol`, maj 1997* [Russia = Russia: New series. Issue 2 (10): Russian intelligentsia and Western intellectualism: History and Typology: Proceedings of an International Conference, Naples, May 1997]. Compl. by B.A. Uspenskij. Moscow; Venice, 49-66. (In Russian).
12. Bulgakov, S.N. [1993] *Razmy`shleniya o nacional`nosti* [Reflections on Nationality]. *Sochineniya: v 2 tomax. Tom 2: izbranny`e stat`i* [Works: in 2 vols. Vol. 2: Selected articles]. Moscow: Nauka, 435-457. (In Russian).
13. Aksakov, K.S. [1889] Perevorot Petra Velikogo [Coup of Peter the Great]. *Aksakov K.S. Polnoe sobranie sochinenij* [Aksakov K.S. Complete Works]. Vol. 1, 16-23. Moscow. (In Russian).

14. Rulina, T.K., Bakshutova, E.V. [2016] Kategorial'ny'e koncepty` yazykovogo podsoznaniya bol'shix social'ny'x grupp [Categorical Concepts of the Linguistic Subconscious of Large Social Groups]. *Mir psixologii* [The World of Psychology], No. 2 (86), 191-199. (In Russian).
15. Il'in I.A. (2007) O russkoj idee [On the Russian Idea]. *Srednerusskij sbornik obshchestvenny'x nauk* [Central Russian Collection of Social Sciences], No. 4 (5), 103-107. (In Russian).
16. Bakshutova, E.V. (2018) Problema resentymentnoemkosti e'tosa setevoj sredy`: social'naya e`pistemologiya setevogo resentymenta [The Problem of the Ressentiment Capacity of the Network Environment Ethos: Social Epistemology of the Network Ressentiment]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psixologo-pedagogicheskie nauki* [Bulletin of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences]. No. 3 (39), 19-35. (In Russian).
17. Kannabix, Yu.V. (2019) *Istoriya psixiatrii* [History of Psychiatry]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russian).
18. Toynbee, A.J. (1991) *Postizhenie istorii* [Comprehension of History]. Transl. from English by A.E. Zharkov. Moscow: Progress. (In Russian).
19. Shkuratov, V.A. (2008) *Mobilizaciya nevrozizacii (k istorioanalizu provincii): rukopis`* [Mobilization of Neurotization (to the Historical Analysis of the Province): manuscript]. Rostov-on-Don. The Author of the Article T.K. Rulina's Personal Archive.

About the authors:

Ekaterina V. Bakshutova, Doctor of Philosophy, Ph.D. in Psychological Sciences, Assistant Professor, Head of the Department of Culture, Museum and Art Studies at the Samara State Institute of Culture

167 Frunze Str., Samara, 443010
bakshutova.ev@samgik.ru

Tatyana K. Rulina, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, an independent researcher

167 Frunze Str., Samara, 443010
tatrul@yandex.ru